

* * *

Угомонился день.
Спокоен летний вечер.
Неслышно стек закат
по кронам тополей.
И звезды в небесах,
как трепетные свечи,
мерцают в вышине
над тихим сном полей.
И в глубине равнин
за сумеречной далью
вечерний огонек
затеплился в избе...
И отчего-то грудь
наполнилась печалью.
О, Родина моя,
что суждено тебе?

* * *

Когда твое сердце и ум не больны
той песней, ее ты не пой.
И сами слова без души не вольны
стать песней твоей и судьбой.
Они разбредаются, как облака
по воле случайных ветров.
И нет твоей песни, нет песни, пока
ей сердце не выберет слов.
Слова неслучайные рядом встают,
они — не бурьян на меже.
Друг друга они как бойцы познают
на том огневом рубеже,

который заняв, не кидаются вспять
под натиском яростных дней.
Где право на жизнь им дано отстоять
всем мужеством правды своей.

СОЛОВЕЙ

Лунный свет в воде, как желтый свиток,
что развернут поперек реки.
А в деревне окна все забиты,
поржавели на дверях замки.
Ни души. Не слышно гармонистов,
ни частушек озорных парней.
Лишь один за всех звучит, неистов,
преданный гнездовью соловей.
Все ушли.
Кто справил новоселье,
кто под крест
на древний лег погост.
Но летит сюда порой весенней
соловей в село за сотни верст.
Пел когда-то радостно и лихо...
Жизнь порой и к птицам не мила,
умерла в полете соловьяха
и не долетела до села.
Здесь вдвоем средь ветхости и пыли
каждый год все восемь лет подряд
птицы на безлюдье выводили
крепкотелых бойких соловьят.
И теперь среди забитых окон
у немой деревни на виду
он неистовствует одиноко
в старом приглянувшемся саду.
Словно поминает он подругу —
столько в трелях страсти и тоски!
Словно хочет оживить округу,
что лишилась голосов людских,
словно извещает ночь заранее,
что иссякнет песней он во мгле,
верный до последнего дыханья
этой милой горестной земле.

* * *

Слышу голос сквозь дали
стольких лет и невзгод...
Оглянусь, не меня ли
мать вечерять зовет.
Окликает из детства,
нежной ласки полна.

Не меня... По соседству
кличут в дом пацана.
Из хатенки такой же,
из таких же дверей...
Все на свете похожи
голоса матерей.
Разных нас по обличью
по мальчишьей судьбе
одинаково кличут
на подворье, к себе.
От скрипучей колыски
до склоненных знамен...
У любви материнской
нет прошедших времен.
Только мы — в кои веки
на денечек, на час...
Опускают им веки,
одиноким, без нас.
Познается лишь в горе
той утраты цена...
На соседнем подворье
мать зовет пацана.

СВЕТЕ БЛАГОСТНЫЙ

Свете благостный, свете вечерний
над родимой землей испокон.
Что-то есть в твоих злате и черни
от намоленных русских икон.
Ты нисходишь к траве у дороги,
к колокольням и ветхим крестам
деревенских погостов убогих,
и к березовым белым перстам.
То ли Вологда, то ли Воронеж...
Нежа поля пустынного стынь,
что-то вечное в душу заронишь,
словно заповедь древних святынь
Свете благостный, свете вечерний,
был, как благовест ты праотцам.
Через годы страданий и терний
утешенье даруешь сердцам.
Мироточишь ты над небокраем
и над каждой людскою судьбой.
Оттого, может, и негибаем
дух народа в юдоли любой.

* * *

По красной заре голубья пролетели,
по красной заре.
Две строчки небесные, две параллели,
два ряда тире.

По смутной поре пролетели, по смуте
безлистных ветвей
в своей первозданной единственной сути
крылатой своей.
Две линии вычертив, в светлые дали
из сумрачных дней,
они с собой взгляд одинокий позвали
тревоги моей.
Возьмите, возьмите его вы с собою,
братья — голубья.
Но сам не могу я расстаться с судьбою
безвестного дня.
За вами вослед устремляется око,
а сердце щемит.
Болит моя родина в сердце глубоко —
остаться велит.

* * *

Есть щедрая мера любви и добра
от древних древлян ли вовеки пребудет.
И нынче живет она, как и вчера,
Душой ей привержены русские люди.
Той мерой отмечены гризна и пир.
Она неизменна, как память народа:
Для друга — весь дом, для любимой — весь мир,
для недруга — меч, для Отчизны — свобода.
Входи, человек, коли скарб твой убог,
и хворь одолела — поймут, пожалеют.
Страхнут с тебя пыль твоих дальних дорог
и в баньке отмоют, и словом согреют.
Попотчуют всем, что найдется в избе,
и, выслушав, горе разделят с тобою.
И честь по заслугам окажут тебе
цыгаркой мужицкой да бабьей слезою.
Где б ни был твой дом, испокон на Руси
возьмут на постой и покажут дорогу,
не требуя мзды и о том не спросив,
когда и какому ты молишься Богу.
Твердят о загадочной русской душе...
Да в том и загадка — бахвальства не любит.
Вглядись — и поймешь на ее рубеже:
не меряна ширь, не изведаны глубины.

ЧАРЫ

На мокрый луг
луч упадет косою
сквозь плотный полог
облачного слоя

и радостно забьется ретивое,
земной замороженное красой.
Где во вселенной,
в снах каких планет
мгновение привидится такое?..
Река парная в призрачном покое
и радугой горящий в росах свет,
и льнущий к плесам
вдох ветвистых ив,
и тонкий стан девчонки обнаженной,
как зеркалом, водою отраженной,
где осоколь к осокам терпелив.
О, родина!
Без чар твоих — мир пуст,
какие блага в жизни ни вкуси я...
Росинка чистота в тебе, Россия,
от солнца — свет
и речь — из Божьих уст.